

ний остаются классическими, без игрового элемента: тесты, письменные работы и проч.

Таким образом, реалии современной высшей школы давно потребовали внести изменения в преподавание многих предметов, и историко-лингвистические дисциплины на филологических факультетах вынуждены переживать, возможно, наиболее болезненные процессы. Изложение “далекого от жизни” материала перед аудиторией, большая часть которой не имеет ценностного отношения к учебе как виду деятельности и четкого понимания мотивов собственного обучения, сложно. Мозаичность восприятия информации и обеднение владения функциональными стилями речи у студентов препятствует запоминанию ими строгих академических текстов большого объема. Происходящее сокращение, упрощение материала, расширение развлекательного компонента в аудитории и увеличение объема заданий на самоподготовку – это не экстренные временные меры, а долгосрочная перестройка самих принципов учебного процесса. Эффективность такого изучения исторической грамматики, призванной сформировать вдумчивое отношение к языку и речи, понимание системности и “несиюминутности” языковой эволюции, видится невысокой, но иных условий пока нет.

Степан Калинин

ГРАММАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГИБРИДИЗАЦИИ ЯЗЫКОВ КАК ОДНОЙ ИЗ ФОРМ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТРАНСФЕРА (НА ПРИМЕРЕ СИБИРСКИХ И ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ПИДЖИНОВ С РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ОСНОВАМИ)

О гибридации как одной из форм лингвистического трансфера упоминал еще У. Вайнрайх в работе [12, с. 29–47], в которой он рассматривал процесс трансфера в аспекте преобразования пиджина в креольский язык, а также в аспекте интерференции языков. В связи с вопросом о креолизации пиджинов и о гибридации контактных языков можно также обратиться к теории В. З. Демьянкова [1, с. 61–65], в которой выделяются два типа трансфера – трансфер знака (понятие которого, как упоминает сам исследователь, используется в теории перевода при описании процессов переводческих трансформаций [1, с. 61]) и трансфер знаний [1, с. 61]. В. З. Демьянков упоминает также о ряде цивилизационных ограничений на трансфер знаний, которые, по его утверждению, могут частично определять и языковую структуру (универсальное и идиоэтническое в языке) [1, с. 63]. При этом он замечает, что понятия “цивилизации” и “культуры” соотносятся так же, как и понятия языковых универсалий и идиоэтнических языковых компонентов [1, с. 63].

Э. Хауген рассуждает о соотношении понятий двуязычия (билингвизма) и культурной двойственности (бикультурализма, *biculturalism*). При этом в качестве примера он приводит языковые и культурные особенности американских норвежцев [8, с. 63–65]. В результате им приводятся

четыре различных варианта соотношения между билингвизмом и бикультурализмом [8, с. 64].

В случае гибридизации языков в результате их контакта также действует принцип цивилизационных ограничений на трансфер знаний, который задает параметры отбора языкового материала для будущего гибридного или контактного языка. Это можно проиллюстрировать на материале формирования, становления и функционирования сибирских и дальневосточных пиджинов с русской и китайской основами.

Подробно свойства и особенности дальневосточного варианта сибирского пиджина описаны в работе Е. В. Перехвальской [6]. Как упоминается в данной работе, сибирский пиджин возник не в ходе контактов русских с китайцами, а значительно раньше, при контакте первых русских переселенцев с коренным населением Сибири, Урала и Дальнего Востока [6, с. 6].

Как подчеркивает Е. В. Перехвальская, сибирский пиджин являлся сверхвариативным идиомом, т. е. существовал в нескольких различных вариантах [6, с. 7]. Кроме того, он изменялся и на протяжении исторического развития [6, с. 7]. Эти процессы являются проявлением того, что С. Г. и А. В. Проскурины характеризуют сибирский пиджин как две формы трансфера – коммуникацию и передачу информации (ср. с понятием “трансфера знаний”), первая из которых происходит в синхронии, а вторая в диахронии [7, с. 429–430].

Грамматический строй сибирских и дальневосточных пиджинов тесно связан с устройством их лексической системы. Это определяется тем, что одним из языков-источников формирования этого пиджина является китайский язык, принадлежащий к сино-тибетской семье языков. По замечанию И. И. Пейроса, сино-тибетские языки характеризуются крайне ограниченным репертуаром морфологических явлений, слабым развитием морфологии и, соответственно, ограниченным набором морфологических формантов [4, с. 170]. Кроме того, как замечает тот же автор, эти форманты подвержены значительным изменениям на протяжении небольших промежутков исторического времени [4, с. 170]. Возможно, это объясняет значительную вариативность сибирских пиджинов с китайским языком в качестве основы. Вместе с тем, в сино-тибетских языках значительное развитие получили системы тонов, развилась система устройства слога (в частности, иногда эти языки именуются “слоговыми”), в котором появляются такие элементы, как инициаль, медиаль и финаль [4, с. 169–170]. Слог зачастую совпадает с морфемой, а иногда и со словом [4, с. 169].

Типологически сино-тибетские языки можно охарактеризовать как преимущественно языки изолирующие (как корнеизолирующие, так и основоизолирующие), некоторые из них обладают отдельными элементами агглютинации [11, с. 227]. Изолирующий морфологический строй наследовали и сибирские, и дальневосточные пиджины, в то время как

значительная часть лексики, по данным А. Ю. Мусорина [3, с. 79–80], заимствована из русского языка. Е. В. Перехвальская замечает, что и стремление к выделению морфологических частей речи – прежде всего, имени и глагола – в сибирских и дальневосточных пиджинах наследуется из русского языка [5, с. 110] (что представляет собой своеобразную форму трансфера грамматических и категориальных классов).

Имя в сибирских пиджинах не изменяется, не обладает категорией рода, числа, падежа и пр. [5, с. 110–111]. Обычно, заимствуясь из русского языка в сибирский пиджин, имя трансформируется согласно фонетическим законам и особенностям китайского языка (о чем упоминает и А. Ю. Мусорин [3, с. 79–80]). Можно привести следующие примеры, в которых без труда практически во всех случаях угадываются соответствующие русские слова [5, с. 110–111]: *ukalainza* ‘украинец’, *fanza* ‘дом’, *kitajza* ‘китаец’, *moneza* ‘деньги’ (от русс. *монета*), *lipahoxa* ‘леспромхоз’, *kupeza* ‘купец’, *jajtza* ‘яйцо’, *shisoza* ‘шестьсот’ и др. В этом отношении Е. В. Перехвальская пишет о том, что имя существительное в сибирских пиджинах определяется зачастую по формальным признакам, в частности, по наличию показателя *-za* [5, с. 110–111]. Другим распространенным показателем является показатель *-ka* [5, с. 110–111]: ср. следующие примеры, приводимые Е. В. Перехвальской [5, с. 110–111]: *jaseka* ‘ящик’, *ibenka* ‘японец’, *setuka* ‘штука’, *sholek* ‘шелк’, *chacheka* ‘чашка’, *soledatka* ‘солдат’, *mishoka* ‘мешок’. Существуют и другие, менее распространенные, форманты имен существительных [5, с. 110–111].

Как можно было видеть, за единичными исключениями именной вокабуляр сибирских и дальневосточных пиджинов практически полностью наследуется из русского языка, о чем упоминается и в некоторых работах [3; 5]. Аналогичную ситуацию мы можем видеть и в глагольной системе анализируемых идиомов. Большинство глаголов (точнее, предикативов, поскольку в эту категорию попадают слова, восходящие как к русским глаголам, так и к прилагательным) наследуются в систему сибирских пиджинов в “застывшей”, неизменяемой форме, по происхождению – форме русского императива [5, с. 110]: ср. следующие примеры *болеи*, *выгони*, *захорони*, *гоняй*, *ругай*, *сади*, приводимые Е. В. Перехвальской [5, с. 110], в которых легко можно опознать соответствующие русские глаголы. По данным той же исследовательницы, таких глаголов большинство в глагольном вокабуляре сибирских пиджинов (примерно 77% от общего числа глаголов) [5, с. 110]. Исключения составляют глагольные формы, наследованные сибирским пиджином в формах, имеющих показатели лица и числа, в других типах финитных форм, в формах, не засвидетельствованных в русском языке, но образованных по словообразовательным моделям русского языка, напр.: *plákaй* ‘плакать’, *kрича́й* ‘кричать’, *охóтай* ‘охотиться’ [5, с. 110]. Ряд глаголов (их меньшинство) заимство-

ван из других языков [5, с. 110]. По данным Е. В. Перехвальской, зафиксирован случай образования глагольной формы от русского прилагательного, а именно: “форма прилагательного ед. ч. им. п. муж. р. была воспринята как глагольная: *фальшивий-ла* ‘обманывал’” [5, с. 110–111]. Таким образом, исходная форма глагола *фальшивий* ‘обманывать’ восходит к соответствующему прилагательному русского языка *фальшивый*; благодаря своему флективному показателю была, по закону ассоциации, воспринята как императивная глагольная форма и в таком качестве вошла в систему глагола сибирских пиджинов.

Позднее система глагола в сибирских пиджинах получила большее развитие в сторону аналитизма, в частности, стали использоваться вспомогательные глагольные формы и клитики, восходящие к соответствующим лексемам русского языка, для образования различных типов времен (более подробно см.: [5, 6, с. 33], где приводятся видо-временные и модальные таблицы глагольных форм в сибирских пиджинах).

В синтаксическом отношении сибирские и дальневосточные пиджины демонстрируют номинативную стратегию кодирования актантов (что интересно и характерно при отсутствии именного словоизменения). Предикат ставится обычно на последнее место, отрицательная клитика *нету* [6, с. 33] – после слова либо именной / глагольной группы, к которой относится: ср. *эта либа помирай нету* ‘эта рыба была живая / не умирала’ [5, с. 113–114], [6, с. 33]. Обычный порядок слов – SOV: ср. *Эта люди патом дзимли кападзи* ‘этот человек потом копал землю’ [5, с. 114]. Определение обычно предшествует определяемому: ср. с примерами А. Ю. Мусорина *ума-конечайло* ‘сумасшествие’, *языка-меда* ‘красноречие’ [3, с. 81–82].

Таким образом, гибридизация двух неродственных языков, результатом которой являются сибирские пиджины, выступает формой как трансфера знаков (а именно: соответствующих языковых знаков), так и трансфера знаний (информации). В этом отношении такая форма трансфера, по данным Е. В. Перехвальской [6, с. 6], определяется преимущественно “прагматическим кодом” с опорой на актуальную ситуацию. Мы также полагаем, что эта форма трансфера может определяться и ситуацией общения, а также коммуникативной интенцией говорящего. Нельзя забывать и о постулате Эверетта о влиянии культуры (а именно: культуры торговых приграничных областей) на язык и его грамматику, при всей дискуссионности данного утверждения, см. [9, с. 258–259], а также обсуждение постулата Эверетта в [2, с. 481–482]. Кроме того, следует учесть и теорию “космического синтаксиса” В. С. Юрченко, согласно которой между языком и окружающей средой (миром, объективной реальностью) происходит взаимовлияние [10, с. 37–40]. Вероятно, постулаты теории космического синтаксиса могут служить основой для одной из гипотез о формировании гибридных и контактных языков.

Литература

1. Демьянков, В. З. Языковые техники “трансфера знаний” / В. З. Демьянков // Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии : коллективная монография / отв. ред. В. В. Фещенко. – М. : Культурная революция, 2016. – С. 61–85.
2. Кошелев, А. Д. Очерки эволюционно-синтетической теории языка А. Д. Кошелев. – М. : Издательский дом ЯСК, 2017. – 528 с.
3. Мусорин, А. Ю. Лексика кяхтинского пиджина / А. Ю. Мусорин // Функциональный анализ языковых единиц. – Новосибирск, 2004. – С. 79–86.
4. Пейрос, И. И. Сино-тибетские и австро-тайские языки / И. И. Пейрос // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Задачи и перспективы / отв. ред. Н. З. Гаджиева. – М. : Наука, 1982. – С. 168–185.
5. Перехвальская, Е. В. “Морфологизация” глагола и имени в русских пиджинах / Е. В. Перехвальская // Проблемы типологии и общей лингвистики. – СПб. : ИЛИ РАН, 2006. – С. 110–114.
6. Перехвальская, Е. В. Сибирский пиджин (дальневосточный вариант). Формирование. История. Структура : автореф. дисс. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Е. В. Перехвальская. – СПб., 2006. – 51 с.
7. Проскурин, С. Г. Коммуникация и передача как формы лингвокультурного трансфера / С. Г. Проскурин, А. В. Проскурина // Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии / отв. ред. В. В. Фещенко. – М. : Культурная революция, 2016. – С. 428–450.
8. Хауген, Э. Языковой контакт // Новое в лингвистике. – М. : Прогресс, 1972. – Вып. VI: Языковые контакты. – С. 61–80.
9. Эверетт, Д. Не спи – кругом змеи! Быт и язык индейцев амазонских джунглей / Д. Эверетт. – М. : Издательский дом ЯСК, 2016. – 334 с.
10. Юрченко, В. С. Философия языка и философия языкознания : лингвофилософские очерки / В. С. Юрченко; отв. ред. Э. П. Калдыалова. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008. – 368 с.
11. Яхонтов, С. Е. Китайско-тибетские языки / С. Е. Яхонтов // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. Н. Ч. Ярцева. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – С. 226–227.
12. Weinreich, U. Languages in contact. Findings and problems / U. Weinreich. – The Hague – New York – Paris : Walter de Gruyter, 1979. – 160 p.

Елена Кожемяченко

КУЛЬТУРА РЕЧИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

В современном мире хорошее владение речью, культура речи, умение убеждать становится для человека одним из основных условий профессионального успеха, психологического комфорта. Для вступающих в речевое общение (говорящего, слушающего, пишущего, читающего) важными оказываются такие качества речи, которые способствуют наилучшему выполнению ею коммуникативной функции, делают её более понятной и привлекательной. Речь человека может очень многое рассказать о нем, это визитная карточка каждого. Часто говорящий не может грамотно и понятно выразить свою мысль, что-то объяснить, оказать такое воздействие на своих слушателей, к которому сам стремится. В таком случае все понимают, что этот человек просто не владеет нормами речи и не знаком с ее коммуникативными качествами, с понятием культуры речи, ее особенно-